

Александр Красницкий (А. И. Лавров) КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ

Пролог

Узенькое оконце пропускало в келью совсем немного света. Старик подслеповато щурился, с трудом разбирая выцветшие строчки. Совсем ветхой стала книга, давно пора бы перебелить ее на чистых листах пергамента¹, да все руки не доходили. Смутные наступили времена: то князья между собой воюют, то смерды бунтуют, то степняки набегают из Дикого Поля на порубежные деревни. Не случалось подобного при первых киевских князьях, Олеге Вещем и Игоре Старом. И при князе-витязе Святославе не было. Сам походами в дальние земли ходил, а на Руси было тихо. Древние сказания нынешним князьям как бы в укор, а кто укору любит? Давненько никто не заказывал списки со старой летописи. А тут вдруг счастье привалило: приехал в монастырь молодой переяславский князь Владимир Мономах, попросил

¹ Пергамент — тонкая выделанная кожа, которая использовалась в древности вместо бумаги

для себя летопись с самого начала переписать. И смышленного отрока прислал, разумеющего книжную науку. Сам-то летописец дряхлым стал, пальцы дрожат, гусиное перо не слушается, а переписать книгу — труд великий.

Так и работали вдвоем. Летописец медленно диктовал, сверяясь со старым списком, а отрок проворно вычерчивал на пергаменте черные квадратные буковки, словно бусинки нанизывал на нитку.

За полтора месяца переписали всю старину, от сотворения мира до княгини Ольги. Сегодня о князе Святославе рассказ.

— «Когда князь Святослав вырос и возмужал, — нараспев читал старец, — стал он собирать много воинов храбрых. И легко ходил в походах, как пардус², и много воевал. В походах же не возил за собой ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко порезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так и ел. Не имел он и шатра, но спал, подстелив потник, с седлом в головах. Такими же были и все прочие воины его. И посылал в иные земли со словами: «Иду на вы!».

² Гепард, охотничий зверь, который славится быстротой и бесстрашием

Отрок положил гусиное перо, пошевелил занемевшими пальцами.

— Пиши, пиши, — несердито поторопил старик, — зимний день короток!

— Пишу, отче!

— «В лето шесть тысяч четыреста семьдесят третье³ пошел Святослав в землю вятичей и спросил: «Кому дань даете?»» И сказали вятичи: «Хазарам...»

Летописец замолчал, пододвинул книгу ближе к свету.

— Что еще писать о земле вятичей? — поднял голову отрок.

— Ничего больше в старом списке нет, и ты не пиши, — помедлив, ответил летописец. — Но старики вспоминали, что будто так было...

1. ГДЕ ВЯТИЧИ?

Великими лесами покрыта земля вятичей.

Тянулись вятичские леса от Оки-реки до самой Волги.

И за Волгой тоже были леса, но обитали там люди уже не славянского племени. А вятичи были славянами, хоть не признавали власти киевского

³ 964 по современному летоисчислению

князя и жили от других славянских племен как бы отдельно.

И дальше бы они так жили, но в 964 году князь Святослав начал свой поход на восток. Ладьи княжеского войска поплыли по Оке, великой реке вятичей.

Тянулись по берегам нескончаемые леса. Медно-красные сосны над песчаными обрывами, как воины в строю. Ветер тревожно гудел в ветвях, швырял в светлую окскую воду сосновые шишки.

Вечерами на берег выходили медведи. Вытягивая лобастые головы, смотрели на ладьи и прятались в кустах, напуганные ревом боевых труб и плеском множества весел.

Проносились над водой громкоголосые птичьи стаи.

В омутах плескалась богатырская рыба-сом.

Кабаны проворно перебежали зеленые лужайки.

Земля вятичей щедро являла путникам свои богатства, обилие зверя, птицы и рыбы. Не видно было только людей, населявших ее. Избы на берегу стояли пустыми, рыбачьи челны унесены в овраги и укрыты под кучами хвороста. Дороги, ведущие в глубь леса, перегорожены завалами из подрубленных деревьев. Наверно, вятичи не ждали добра от княжеского войска и спрятались в укромных местах. Но они были где-то близко: над

лесом то и дело поднимались столбы черного дыма, предупреждая об опасности.

Легкие сторожевые ладьи, далеко опередив большие суда, крались возле самого берега, сворачивали в устья речек и ручьев, останавливались у пустых деревень. Дозорные ратники взбирались на высокие деревья и подолгу обзревали окрестности. Возвращаясь к княжеской ладье, они виновато разводили руками:

— Нет людей, княже!

Святослав недовольно хмурил брови. Задумано великое дело, поставить под власть Киева обширную и многолюдную землю вятичей, чтобы они, сообщая с другими славянскими племенами, крепили державу и давали отпор врагам. А врагов у Руси было много. Из Дикого Поля нападали кочевники-печенегы, разбойничали на границе. Хазары оседлали устье великой реки Волги, мешали русской торговле с восточными странами. А за теплым морем притаились коварные византийцы, их император мечтал поставить Русь под свою руку. Пришло время показать им силу Руси!

Могучее войско двигалось за князем Святославом, и не было силы, способной ему противостоять. Но непонятное исчезновение вятичей нарушало замыслы князя. Кого здесь побеждать? Медведей, что ли?

Князь Святослав был молод, но давно уже познал строгие законы войны. Первый свой поход он совершил трехлетним мальчиком. Лесные жители-древляне убили его отца, киевского князя Игоря Старого, и единственный сын должен был мстить.

На широкой поляне сошлись два войска — киевское и древлянское. По обычаю, сражение начинал князь, и маленький Святослав метнул копье. Копье упало на землю возле самых ног коня, потому что непосильно тяжелым оказалось для мальчика боевое оружие, но воеводы закричали:

— Князь начал битву! Последуем, дружина, за князем!

И ринулись вперед отважные киевские дружинники и победили древлян, и восславили киевляне нового воителя за землю русскую — князя Святослава Игоревича...

Много было потом сражений и походов. Все легче и легче казалось князю Святославу боевое копье. Уже не находилось храбрецов, которые осмелились бы выйти против него на поединок. Седобородые воеводы со вниманием слушали советы молодого предводителя, признавая его воинскую мудрость. Имени князя Святослава стали бояться враги. Он совершал с дружиной стремительные переходы, неожиданно обрушивался на врага и неизменно побеждал.

Но нынешний поход начинался неудачно, вятичи уклонялись от встречи. Снова и снова князь Святослав посылал вперед сторожевые лады:

— Возьмите языка! Узнайте, где искать вятичских старейшин!

Но вятичи будто растворились в своих немеренных лесах.

Вечерами, собираясь на берегу возле костров и прислушиваясь к таинственным шорохам леса, воины шептались о неуловимых лесных жителях, которые будто бы умеют превращаться в диких зверей.

«Может медведи, которые выходили к реке, и есть заколдованные вятичи? Надо принести жертвы Перуну⁴, чтобы он расколдовал лесных людей и отдал нам в руки!»

Старый воевода Свенельд, служивший и отцу Святослава — князю Игорю, и матери его — княгине Ольге, посоветовал высадить на берег конную дружину и углубиться в лес. Как видно, вятичи без сожаления покидают свои деревни, но есть у них священные места — капища, где стоят деревянные идола. Вятичи весьма почитают идола и не отдадут их без боя. Важно только найти такое

⁴ Перун — древнерусский бог грома и молнии, главный из языческих богов

капище, вятичи сами сбегутся отовсюду, чтобы защитить своих богов, и тогда можно поговорить со старейшинами.

— А с дружиной меня пошли, княже, или какого-нибудь другого воеводу, — закончил Свенельд. — Так будет ладно...

— Сам пойду с дружиной в лес! — решил Святослав.

Воевода склонил голову, повинуюсь княжеской воле.

2. АЛК ИЗ РОДА СТАРОГО СМЕДА

Отроку Алку было столько лет, сколько пальцев на трех руках и еще два года. Он не достиг возраста взрослого мужчины, но и мальчиком его в деревне уже не считали. Старейшина рода Смед вручил юноше длинный прямой нож и колчан с боевыми стрелами; стрелы были длинные, тяжелые, с железными наконечниками и с родовыми знаками на черных древках, с черными же перьями.

Печенег Пур, который пас родовое стадо на лугах за речкой Смедвой, хотел подарить Алку кривую саблю, но старейшина велел повременить. Носить меч или саблю полагалось только взрослому мужчине, а Алк еще отрок. Таков обычай.

Алк не обиделся на старого старейшину. Не по своему нерасположению он не разрешил взять саблю, а по обычаю. Обычаями род держится...

А дружить с Пуром старейшина запретить не мог. Печенег научил Алка лихо скакать на коне и разговаривать на печенежском языке. Не многие взрослые это умели.

До торжественного обряда посвящения в воины Алк жил не с родителями и младшими братьями, а в особой избе на краю деревни, с такими же, как он сам, отроками. Через год, достигнув полного совершеннолетия, Алк получит саблю, построит собственную избу и будет сидеть на совете со взрослыми мужчинами. Пока же ему лишь доверяют сторожить ночью деревню и ходить в цепи загонщиков на охоте.

В здешние места род Смеда переселился не очень давно. Безымянную речку, возле которой построили деревню, люди назвали по имени старейшины — Смедвой.

Алк гордился, когда незнакомые охотники, расспросив, кто он такой и из какого рода, уважительно отзывались о старом Смеде. И он еще гордился, что на земле его рода было капище.

Уже на памяти Алка пожар спалил старую Священную Рощу, где обитали родовые боги. Люди вынесли из огня деревянных идолов и поставили их на пологом холме возле самой деревни.

Старейшины соседних родов стали собираться у очага Смеда, чтобы обсудить общие дела и принести жертвы богам. Получалось, что Смед вроде бы старший над всеми старейшинами.

Едва донеслись слухи о походе князя Святослава, старейшины многих родов пришли к Смеду. О чем они говорили на совете, Алк не знал, потому что даже многие взрослые мужчины не были допущены в избу. Но по обильным жертвам, принесенным в тот день богам, можно было догадаться, что вятичам угрожает большая опасность. Разве иначе зарезали бы на капище двух черных быков?

Но вечером старейшина Смед сам пришел к отрокам. Присел на скамью возле очага, провел ладонью по седой бороде, промолвил тихо:

— Слушайте со вниманием, отроки. В нашу землю вошел князь Святослав с войском, бесчисленным, как деревья в лесу, и все воины его одеты в железные рубахи и железные шапки. Люди спрячутся в лесу, чтобы Святославу не с кем было сражаться и чтобы он поскорее миновал нашу землю. А вы пойдете к Оке-реке и будете смотреть за войском князя. Для такого дела нужны зоркие глаза и быстрые ноги — как у вас, отроки...

После захода солнца юные сторожа покинули деревню.

Неслышно ступали их ноги в мягких башмаках-поршнях.

Руки осторожно раздвигали кусты.

Стройные тела юношей легко проскальзывали между стволами деревьев.

Только старейшина Смед знал, куда повели их лесные тропы.

Утром Алк был уже в назначенном месте, на высоком берегу реки. Он скинул с плеч кафтан из толстой кабаньей кожи и остался в одной рубахе, перепоюсанной узким ремешком. Кожаные кафтаны вятичи носили в лесу, чтобы уберечься от колючек и острых сучьев, а здесь, возле реки, кусты были мягкими, ласковыми.

Тихо несла под обрывом свои воды кормилица Ока, общее владение вятичского племени. Но тревога ощущалась и здесь. На речном просторе не было видно рыбачьих челнов, а в деревне, на другом берегу — обычного утреннего оживления. Словно вымерло все вокруг, даже птицы примолкли.

Алк сел за кустом, положил под правую руку колчан со стрелами, под левую — лук и приготовился ждать.

Ждать охотники-вятичи умели. Порой приходилось целый день сидеть в засаде неподвижно и безмолвно, потому что сторожкого зверя могло спугнуть любое неловкое движение,

шевеление ветвей, даже негромкое поскрипывание стрел в колчане. Малейшая неосторожность обрекала охотника на неудачу.

Солнце стояло прямо над головой, когда из-за поворота реки выскользнули чужие ладьи. Алк не сразу заметил их, потому что ладьи не выплывали на быстрину, а будто крались у самого берега.

Ладья с хищно поднятым носом проплыла совсем близко. Воины в кольчугах и остроконечных шлемах мерно взмахивали веслами. Гребцы были опытные: ни плеска, ни скрипа уключин. Только за кормой шипит вспененная вода.

Метнулся в кусты дикий кабан. Затрещали ломаясь сухие ветви.

Ладья остановилась, тихо покачиваясь на волне.

Бородатый воин, сидевший возле кормового весла, долго всматривался из-под ладони в заросли кустарника. Потом, успокоившись, махнул рукой гребцам. Весла без плеска опустились в воду.

Проплыла вторая сторожевая ладья, третья, четвертая и со всех ладей воины внимательно осматривали берег. Но Алк ничем не выдал себя и сторожевая застава князя Святослава уплыла вниз по реке.

Из-за того же поворота показалось сразу множество больших ладей, они заполнили реку от берега до берега. Блестели на солнце доспехи и

оружие. Колыхались на ветру разноцветные стяги. Овальные щиты краснели на черных просмоленных бортах, как перевернутые языки пламени.

Так вот оно какое войско князя Святослава!

Алк никогда не видел сразу такого количества воинских ладей. Он пробовал считать, загибая пальцы, но скоро бросил это бесполезное занятие. Голова судового каравана уже уползла вниз по реке, а из-за поворота выплывали новые и новые ладьи и, казалось, что им нет конца.

Алк подумал, что старейшины поступили правильно, спрятав людей в лесных убежищах. Сражаться с князем Святославом бесполезно: воинов у него действительно больше, чем деревьев в лесу.

Потом проплыли широконосые суда с высокими бортами из досок — насады. Алк расслышал приглушенное ржание, глухие удары копыт по дереву, а когда насады приблизились, разглядел сверху лошадиные головы.

Конница!

Значит, здесь княжеская дружина, а в других ладьях пешие ратники. Надобно предупредить старейшину Смеда. Вятичи не знали, что судовой караван везет лошадей. И еще надо выяснить место ночлега. Алк решил бежать за ладьями до вечера, чтобы узнать это. Осторожно упятился из кустов в

лес, побежал, пригнувшись, вдоль берега, невидимый с реки.

То и дело преграждали путь овраги, во множестве спускавшиеся к реке. Но судовой караван двигался медленно и Алк, спрямляя изгибы реки, бежал наравне с первыми ладьями.

В лесу к Алку присоединились еще два отрока. Они сразу признали его за старшего. Алк первым заметил ладьи, а потому имел право распоряжаться. Так поступали вятичи на охоте: охотник, первым увидевший зверя, вел за собой всю облаву. А война и облавная охота — разве не одно и то же?

Молодые вятичи послушно бежали за Алком, пережидали в лесу, пока он подкрадется к берегу и своими глазами увидит ладьи, и снова устремлялись вперед, услышав условный свист.

Алка переполняла гордость. Кто из юношей не мечтает стать вождем на войне?

Длинные июньские дни, но и они имеют конец. На реку опускались сумерки. Поползли из оврагов, растекаясь по воде, сизые полосы тумана.

В голове судового каравана протяжно запела труба.

Ладьи нетерпеливо причаливали к берегу. Воины высаживались на большой луг, огражденный с двух сторон оврагами; дальний от

реки конец луга упирался в непроходимую лесную чащу.

Алк удивился опытности воевод князя Святослава. Как они, чужие в этих краях, сумели сразу найти самое удобное и безопасное место для ночлега? Откуда они узнали, что именно здесь всегда останавливались осторожные болгарские купцы⁵, приплывавшие с Волги? Может, по следам старых кострищ, черневших среди травы? Но ведь кострищ снизу, с воды не видно...

Алк забрался на высокое дерево, притаился среди листвы. Военский стан князя Святослава был перед ним, как на ладони. Воины копошились на лугу, как муравьи, и Алк не сразу уловил в их беспорядочном движении какой-то смысл.

От толпы отделились дружинники с длинными копьями в руках и редкими цепями встали у оврагов, словно живым частоколом оградили стан от посторонних. К опушке леса поехали всадники.

Взметнулись стяги на длинных жердях и толпа возле них была гуще, чем в иных местах. Наверно, там остановились воеводы со своими телохранителями.

⁵ Волжская Болгария — государство на Средней Волге, существовавшее в X — первой половине XIII вв.

Задымились, запылали костры.

Воины неторопливо прохаживались между кострами, проносили на плечах туши кабанов и баранов, складывали на землю доспехи. Свои длинные копья они вонзали древками в землю, и вскоре луг стал походить на колючее жнивье.

Но где сам князь Святослав?

Алк никак не мог понять этого.

В стане не было нарядных шатров, где обычно ночевали знатные люди. Воины укладывались спать прямо на землю, на звериные шкуры или попоны, а под головы подкладывали седла. Не видно было и медных котлов для приготовления пищи. Воины разрубали мясо ножами, нанизывали на прутья и жарили над костром, каждый для себя. Даже по одежде невозможно было понять, кто из них воевода, а кто простой ратник. Все в длинных белых рубахах, на ногах — кожаные сапоги. И оружие одинаковое: прямые обоюдоострые мечи, копья, боевые луки из упругих турьих рогов⁶, топоры-секиры, тяжелые медные булавы.

В подчеркнутой одинаковости войска было что-то необычное и грозное. Будто сказочное

⁶ Тур — древний бык с длинными, загнутыми вперед рогами; из рогов тура изготовляли дальнобойные воинские луки

боевое братство, о котором рассказывали зимними вечерами старики.

Алк подумал, что искать князя Святослава среди одинаково одетых вооруженных воинов бесполезно. Каждый из них мог казаться князем!

Ночь опустилась на окские берега.

Пламя костров медленно опадало, будто растворяясь в углях, а угли затягивались серым пеплом. Затихали голоса на лугу. Только сторожевые ратники изредка перекликались:

— Слу-у-ша-а-ай!..

Воинский стан князя Святослава засыпал, доверившись бдительности ночной стражи...

Алк спустился с дерева, нашел между корневищами глубокую яму и прилег на песок. Завтра предстоял нелегкий день, надо набраться сил. А его товарищи побежали через ночной лес, повторяя про себя слова, которые нужно было в точности донести до старейшины Смеда:

«Войско князя Святослава ночует возле Оленьих оврагов. Воинов и ладей очень много и кони тоже есть. Завтра Алк пойдет следом за войском».

3. ЧЕРНАЯ СТРЕЛА

Проторенную дорогу, уводившую в лес, нашел десятник Кара. Следы копыт и глубокие

борозды от саней-волокуш были на ней еще свежими. Значит, по дороге совсем недавно ездили люди и перевозили тяжести.

Обрадованный десятник поспешил к князю, потому что каждому, кто найдет следы вятичей, была обещана награда — серебряная гривна⁷.

Вскоре княжеская дружина углубилась в лес.

Святослав торопился: вятичей нужно застать врасплох, чтобы они не успели убежать из своих домов. А в том, что дорога вела к какой-то большой деревне, сомнений у князя не было.

Вековые сосны вплотную придвинулись к дороге, огромные сосновые лапы сомкнулись над головой, загораживая небо. Было сумрачно и тревожно, будто по дну глубокого оврага ехали всадники. Копыта коней скользили на влажной земле. На дорогу выскочил заяц, замер на мгновение и испуганно метнулся в кусты.

Кара, ехавший со своим десятком впереди дружины, вскинул было лук, но косога и след простыл, исчез в зарослях. «Напугал, непутевый...» — облегченно вздохнул десятник и откинулся в седле.

⁷ Гривна — шейный обруч из серебра, служивший украшением; гривнами называли в Древней Руси также слитки серебра, заменявшие деньги

Дорога обогнула холм и вдруг исчезла под завалом из могучих сосновых стволов. Ветви завала переплелись — колючие, угрожающе растопыренные, непреодолимые ни для конного, ни для пешего. И обойти завал было нельзя: одним концом он упирался в склон холма, другим — в частый ельник.

Спешенные дружинники бросились на завал яростно и дружно, как на штурм вражеской крепости. Взметнулись острые железные крючья, с глухим стуком вонзаясь в дерево. Десятки рук тянули веревки. Стучали топоры, обрубавшие ветки. Крики, скрежет, треск ломающихся веток, глухие удары падавших на землю сосновых стволов...

Не прошло и получаса, как сквозь разбросанный завал проехали первые всадники.

Потом был еще один завал, но не такой большой, да и строили его вятичи небрежно, торопливо, подрубая только деревья, стоявшие возле самой дороги. Сосны лежали в завале не острыми вершинами вперед, а как попало. Через такой завал продрагаться было нетрудно, и дружина почти не задержалась.

Впереди посветлело. Видно, недалеко был конец леса.

Дружинники заторопили коней, оживились. Лучше уж бой, чем этот поход в неизвестность

через дремучий лес. В бою все просто: вот он — враг, а вот — верный меч в руке и побратимы-товарищи, плечо в плечо, рядом!

Но поперек дороги — еще один завал, невысокий, неровный, не завал даже, а так, несколько подрубленных деревьев. Десятник Кара, красуясь серебряной шейной гривной, подъехал к нему без боязни. Да и чего бояться? Если вятичи отдали без боя большие завалы в лесу, зачем им устраивать засаду здесь, возле малого завала?

Звон спущенной тетивы, похожий на мгновенно оборвавшееся жужжание шмеля, был неожиданным. Длинная черная стрела пронзила горло десятника, угадав прямехонько в вырез кольчуги.

А вокруг была тишина. Не слышно было ни торжествующих криков, которые обычно сопутствуют удачному нападению, ни топота убегающих ног, ни даже шелеста листвы на придорожных кустах, и невозможно было понять, откуда и кем пущена стрела.

Дружинники осыпали завал стрелами, кинулись, выставив копья, на придорожные кусты. Острове́рхие шлемы замелькали между деревьями, удаляясь. Но лес был безмолвным и пустым, и только распростертое на дороге тело десятника Кара немо свидетельствовало, что звон тетивы не почудился дружинникам, что неизвестный враг

нанес смертоносный укол и, как змея, уполз без следа...

Подъехал князь Святослав, молча снял шлем, поклонился павшему товарищу. Ему подали стрелу, поразившую десятника — длинную, с черным древком и черным оперением. По зазубренному наконечнику красными бусинками скатывалась кровь. Первая кровь похода.

Князь протянул стрелу воеводе Свенельду:

— Глянь-ка! Зарубки на древке, а рядом будто косою крестик. Меченая стрела! По этой стреле будем искать с вятичей дикую виру!⁸

Широкая и светлая поляна, круглая, как блюдо, была со всех сторон окаймлена синеватой гребенкой леса. Среди сочной луговой зелени кое-где чернели полосы пашни. Причудливо петляла речка, заросшая кустами ивняка. Привольное здесь место, обжитое. За речкой вятичская деревня притаилась. Бревенчатые избы закопаны до половины срубов, крыши плоские, выложенные дерном. Только на отшибе одна изба

⁸ Вира — штраф за убийство, который платили серебряными гривнами; если убийцу не находили, то община, на земле которой произошло убийство, сообща платила князю дикую виру

побольше других, и окружал ее частокол из заостренных кольев.

Воевода Свенельд повелительно взмахнул рукой.

Сотня дружинников на гнедых конях с гиканьем и свистом пронеслась к деревне, охватывая избы полукольцом. Но деревня была пуста, только ветер покачивал двери покинутых изб. Опять неудача?

К князю Святославу подъехал дружинник из бывшего десятка Кара, прокричал торжествующе:

— Там идолы, княже! Капище!

За деревней, возле березовой рощи, торчал могучий дубовый столб, потемневший от времени и непогоды; на высоте человеческого роста в него были всажены устрашающие кабаньи клыки, а венчался идол подобием головы, грубо вытесанной топором. Земля перед большим идолом была обильно полита кровью жертвенных животных, почернела и запеклась, как кострище. Рядом стояли идолы поменьше, тоже темные, щелястые, зловещие.

Капище было окружено забитыми в землю кольями, на которых белели черепа животных — быков, баранов, свиней. Только медвежьих и кабаньих черепов не было на ограде. Лесных зверей вятичи почитали почти что наравне с идолами,

вылепленными из глины медвежьими лапами украшали свои избы.

Ни один дружинник не ступил на священную для вятичей землю капища. Так приказал князь Святослав, посоветовавшись с воеводами. Чужих богов обижать нельзя. Чужие боги могут жестоко отомстить за обиду. Вятичи тоже не простят пришельцам, если они нанесут ущерб святыне. А князь Святослав надеялся сойтись со здешними старейшинами на мире, а не на войне. Хоть далеко земля вятичей от Киева, но люди в ней не чужие, одного с другими славянами языка и племени.

И деревню князь не велел трогать, выбрал место для стана поодаль, посередине поляны.

Как всегда в чужой земле, воины вырыли вокруг стана глубокий ров, поставили на краю частокол из заостренных кольев, сколотили деревянные мостки, чтобы самим можно было быстро выбежать в поле. Вечером они загнали коней в ограду и сами укрылись в стане, как в крепости. Только копыта сторожевых ратников тихо покачивались над частоколом.

Ночь прошла спокойно. Перед рассветом сторожевым ратникам почудилось шевеление за рвом. Там скользили какие-то неясные тени, слышались приглушенные голоса.

Известили князя. Он долго стоял у частокола, вглядывался в предрассветный сумрак и, угадав

присутствие в поле множества людей, удовлетворенно рассмеялся: хитрецы-вятичи собрались-таки к своему капищу!

4. ЗЕЛЕНАЯ ВЕТКА МИРА

Коршуны кружили над поляной, и в их неторопливом полете было ожидание. Когда вместе собиралось так много людей, после них всегда оставалась вкусная еда.

Коршуны ждали своего часа.

С высоты птичьего полета на поляне были отчетливо видны два огромных кольца, одно внутри другого. То кольцо, что было поменьше, отливало сизым блеском железа, щетинилось колючками копий. Это за рвом, желтевшим свежим песком, изготовилась к бою дружина князя Святослава.

Наружное большое кольцо колыхалось множеством простоволосых голов и меховых шапок, красно-коричневыми пятнами щитов, сплетенных из ивовых прутьев и обтянутых бычьей кожей, матовыми отблесками топоров и камышовой порослью охотничьих рогатин; оно то сжималось, то разбухало в стороны, пенилось, словно мутный речной прибой, готовый захлестнуть островок княжеского воинского стана. Множество вятичей из ближних и дальних деревень сошлись вместе,

чтобы прогнать чужих людей от капища или умертвить их.

Впереди вятичского воинства стояли признанные храбрецы, дерзко подставившие стрелам голые груди. Всю одежду их составляли холщевые штаны, туго перетянутые ремнями и заправленные в сапоги, а оружие — огромные топоры-секиры, такие тяжелые, что рубиться ими можно только двумя руками. Зато сокрушительными были удары вятичских боевых секир, они разрубали даже железные доспехи.

Дальше стояли копьеносцы, составив вплотную щиты, а за ними притаились лучники — молодые воины, для которых эта битва будет первой.

На первый взгляд вятичское войско казалось грозным и непреодолимым, способным задавить врага своей многочисленностью, но князь Святослав был уверен в победе. Он знал, что вятичи нестойки в рукопашном бою, потому что кольчуги и панцири имеют немногие. Начиная сражение, вятичи устрашающе кричат, делая вид, что собираются напасть, а на самом деле лишь запугивая противника. Если тот остается твердым, вятичи сами обращаются в притворное бегство, чтобы заманить в засады. Важно только не дрогнуть и не поддаваться на их хитрости. В прямом бою

княжеская дружина разрубит беспорядочную толпу, как нож разрубает мягкую ковригу хлеба...

Вот и сейчас вятичи, по известному обычаю своему, испустили оглушительный вопль, разом качнулись вперед. И — остановились!

Потом снова закричали все вместе и снова сделали лишь несколько шагов.

На расстоянии перестрела⁹ от рва вятичское воинство встало окончательно.

— Мыслю, на приступ вятичи не пойдут, — сказал Святослав воеводе Свенельду. — Пора говорить со старейшинами.

— Пора! — согласился Свенельд.

Протяжно, успокаивающе пропела труба в стане князя Святослава.

Вятичи попятились, как бы приглашая выйти в поле.

Пешие дружинники раздвинули колья частокола, перебросили через ров мостки. Сын воеводы Свенельда — старший дружинник Лют Свенельдович — вышел за ограду с зеленой веткой в руке, знаком мирных намерений.

⁹ Перестрел — древнерусская мера длины, равная полету стрелы (примерно 100 шагов)

Он шел под тысячами настороженных взглядов, мягко ступая сапогами по траве, весь облитый железом доспехов, но без меча у пояса.

Смуглое лицо Люта было строгим и торжественным, движения неторопливыми и величественными. Горячая степная кровь, доставшаяся в наследство Люту от матери-венгерки, выдавала себя лишь нетерпеливым блеском узких черных глаз. Будто два мира сошлись в посланце князя Святослава: лихая необузданность степного ветра и спокойная непоколебимость русских лесов. Но сейчас лихость мирилась перед спокойствием...

Вятичи продолжали пятиться, расходясь в стороны и освобождая дорогу к кучке старцев в длинных белых плащах и меховых шапках — старейшинам вятичских родов.

Старейшины стояли, одинаково опираясь на посохи, и молча смотрели на Люта. В их глазах не было ни страха, ни удивления — только гордая уверенность.

Лют положил березовую ветку к ногам старейшин и, отступив на шаг, поднял обе руки, показывая всем, что пришел без оружия.

Повинуясь едва заметному жесту одного из старейшин, молодой вятичский воин бережно поднял ветку с земли. Лют облегченно вздохнул: вятичи согласны говорить о мире!

Рабы князя Святослава расстелили на лугу большой пестрый ковер, положили на одном конце несколько полосатых подушек, а на другом — седло, окованное серебром. Озираясь на молчаливые ряды вятичей, они отбежали к стану, и почти тотчас на мостки, перекинутые через ров ступил князь Святослав.

Он был пешим, но два дружинника вели следом рослого воинского коня. Длинный княжеский меч был привязан к седлу.

Отставая на полшага, за князем шествовал воевода Свенельд. Серебряная цепь на шее воеводы позвякивала о железо панциря, на левой руке покачивался овальный красный щит с медной бляхой посередине, рука в железной рукавице поддерживала ножны прямого меча, боевой топорик заткнут за пояс. Воевода Свенельд как бы олицетворял собой грозную мощь дружинного войска.

А князь Святослав был одет просто. Белая рубаха, перепоясанная красным ремешком с бляшками. Сапоги тоже красные, с загнутыми вверх острыми носами, без каблуков. Князь был среднего роста, не слишком высокий, но и не слишком низкий, с густыми бровями, с голубыми глазами, с бритым подбородком и длинными усами: голова чисто выбрита, лишь на одной ее стороне оставлен локон волос, свидетельствующий о знатности рода.

В левом ухе покачивалась золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами с рубином посередине, — единственная драгоценность, которую Святослав надевал на себя. Шея у князя была толстая и крепкая, плечи широкие, в мускулистых руках угадывалась большая сила. Взгляд из-под нависших бровей казался властным и строгим. Такого человека нельзя не запомнить, он внушал уважение и трепет...

Князь Святослав опустился на седло, заскрипевшее под его тяжестью, и застыл неподвижный, как каменное изваяние. Воевода Свенельд остановился за его спиной.

Приблизились вятичские старейшины и, повинувшись приглашающему жесту князя, присели на подушки. Они тоже были без оружия, но длинные посохи, положенные рядом на ковер, хищно поблескивали острыми железными наконечниками.

Ближе других сидел, положив на колени узловатые руки, седобородый старец со светлыми, почти белесыми глазами. Такие глаза князь Святослав видел у одного киевского гусяря, помнившего еще Олега Вещего. Люди говорили, что гусярь давно разменял вторую сотню лет своей жизни. И этот вятич старше всех старых. С ним, видно, и придется говорить...

Святослав угадал правильно — говорить начал белоглазый старец, а остальные старейшины почтительно слушали, кивая головами:

— Мое имя Смед. Я старейшина рода, на земле которого ты сидишь. Вятичи спрашивают: зачем ты пришел? Другом или недругом? С миром или с войной? Отвечай, князь, пока не пролилась кровь...

Святослав вытащил из-за голенища черную стрелу и протянул старейшине:

— Гляди! Кровь уже пролилась! Этой стрелой убили храброго воина из моей дружины!

Старейшина Смед принял стрелу, задержал взгляд на метке:

— Кровь твоего воина не останется без искупленья. Но ты еще не ответил...

— Кому вы, вятичи, даете дань? — резко прервал его князь.

— Хазарам, — помедлив, ответил Смед. — Хазарам, которые приходят с Волги.

— Разве у вятичей много лишних мехов? — напористо спрашивал Святослав. — Или меда? Или воска? Или одежды? Или хлеба, чтобы отдавать все это людям чужого племени?

— Когда берут дань, не спрашивают о желании, — возразил Смед.

— Тогда выслушай древнее сказание и постарайся понять его смысл, — сказал

Святослав. — В стародавние времена жили в лесу на горах, над рекой Днепром, где ныне стоит стольный Киев, люди славянского племени — поляне. И нашли их хазары и сказали: «Платите нам дань!» Поляне, посоветовавшись между собой, дали хазарам по мечу от дыма¹⁰. Отнесли мечи хазары к своему князю-кагану и к своим старейшинам и сказали им: «Вот новую дань взяли мы». И сказали тогда старцы хазарские: «Недобрая это дань. Вы доискались ее оружием, острым лишь с одной стороны, то есть саблями, а у полян оружие обоюдоострое, то есть мечи. Не взять с них дани, но сами они будут собирать дань с иных земель!» Так и получилось. Поляне никому не платят дани, но берут со многих. В чем смысл древнего сказания, старейшина?

И опять за всех старейшин ответил Смед:

— В том, что дань собирают оружием и оружие же освобождает от дани. Но у вятичей мало мечей и живут они каждый своим родом, друг от друга отдельно. Хазары приходят неожиданно, многим множеством воинов, и если не дают им ничего, то вырезают один род, потом другой, потом третий, пока остальные не устроятся и не

¹⁰ От дыма — то есть от каждого двора, где был очаг

принесут дань. Не для вятичей твое сказание, но для племени, собранного в одну горсть...

— Ты сам догадался, старец, зачем я пришел в землю вятичей! — торжественно произнес Святослав, поднимаясь с седла; следом за ним встали старейшины. — Я хочу собрать вятичей в одну горсть! И не в горсть даже — в крепкий кулак! Настало время вятичам склониться под власть Киева! Тогда я скажу: между нами мир! Не другом я пришел сюда и не недругом — господином!

Смед молчал, поглаживая ладонями бороду. Другие старейшины выжидательно поглядывали на него. А Смед думал.

Слова молодого киевского князя не были для него неожиданными. Пришло время вятичам выбирать свою судьбу. Сколько можно стоять на перепутье? Сами не решим — другие заставят. Со всех сторон сильные народы давят: с Волги — хазары, с Камы — болгары, из степей — печенеги. С закатной стороны ¹¹ киевская держава надвигается, обтекая земли вятичей полукольцом подвластных племен и народов. В одиночку вятичам не выстоять, нужно к кому-то прислоняться. А если уж выбирать, то единокровную Русь!

¹¹ Закатная сторона — запад

Но легко ли решиться вот так, сразу? С дороги на тропинку свернуть — и то задумаешься, а тут речь идет о судьбе целого народа... И старейшина Смед возразил осторожно:

— Вятичи не свободны в своем выборе, ибо давно даем дань хазарам. Мы согласимся, а они, может, нет? Не случится ли так, что ты уйдешь, а хазары снова придут в нашу землю, покарают нас и возьмут дань вдвойне?

— Защищать людей своих — княжеская забота. Сам с войском останусь зимовать в земле вятичей и буду щитом ей. А весной вместе пойдём на Хазарию...

И еще одно сомнение высказал старейшина Смед:

— Вятичи привыкли жить по своим обычаям, повиноваться своим старейшинам... И боги у нас тоже свои...

— Неволить не буду, живите как хотите! — решительно сказал князь. — Будете давать мне воинов для походов и дань не больше, чем давали хазарам. На сказанном клятву принесу своим богам, а вы своим. Мир или войну выбирают вятичи?

— Мудрые говорят: худой мир лучше доброй ссоры, — вздохнул старейшина.

— А по мне, лучше война, чем недобрый мир! — возразил Святослав. — Что выбирают вятичи, добрый мир или войну?